

— Двенадцать лет он искал на берегах Цзило подходящий камень — черный, холодный, твердый и грубый. Еще двенадцать лет ушло на то, чтобы превратить этот кусок скалы в сто восемь бусин и собрать их в четки. Он носил их на шее, странствуя по миру и проповедуя истину. Прошло сто двадцать лет, и за все это время он ни разу не расставался со своим сокровищем.

Сидя прямо на песке, Лао Ту отер пот со лба и обернулся к участникам археологической экспедиции.

Лао Ту считался лучшим проводником в междуречье Цзило и Суоло. Ему перевалило за пятьдесят; его бронзовая кожа, казалось, обрела прочность камня под вечными ветрами и песками, а в прозрачных глазах отражалась глубина древней культуры. Поправив белый тюрбан, он сдвинул его чуть ниже на лоб и продолжил:

— Он был лишь бродячим монахом, но его почитали как святого. Дхарма, которую он нес, была столь глубока, что в ученых спорах ему не было равных. Некогда безвестный странник, он стал великим наставником, спасшим бесчисленное множество душ от бед. Жители Междуречья любили его столь преданно, что воздвигли в его честь тысячи храмов и пагод. Когда же он ушел в нирвану, ученики поместили его шариру в Пагоду Шарира, сокрытую в одной из пагод на берегу реки Цзило.

— Учитель... — Молодая женщина с короткой стрижкой, на вид лет двадцати пяти, не выдержала и обратилась к пожилому мужчине, сосредоточенно изучавшему карту. — Учитель, та пагода, которую мы ищем... это ведь та самая, где хранится шарира?

Старику было под семьдесят. Седой, в очках в черной оправе, он всем своим видом воплощал образ кабинетного ученого. Его звали Фу Гохай, и именно он возглавлял эту группу из восьми человек. Отметив что-то на карте коротким крестом, он сухо бросил:

— Да.

Было очевидно, что продолжать разговор он не намерен.

Девушку звали Лу Цинсюэ. Не заметив (или сделав вид, что не заметила) холодности наставника, она с любопытством спросила:

— Но разве пагода не должна быть на берегу Цзило? Мы же сейчас посреди безжизненной пустыни.

Старик Фу поправил очки и проворчал:

— Я же велел тебе учить историю, а ты всё бездельничала! Теперь вот пристаешь к людям с вопросами.

Он явно не горел желанием просвещать студентку. Лао Ту, понимая, что профессор все еще относится к нему и его племяннику с опаской, лишь усмехнулся в усы.

— Студенты нынче пошли любознательные, — добродушно проговорил он, отхлебнув воды из фляги. — Всё это напрямую связано с легендарной династией Юэняо.

— Вот как? — Лу Цинсюэ подалась вперед.

Династия Превосходящей Птицы, Юэняо, была легендарным государством, возникшим в Междуречье две тысячи четыреста лет назад. Это была ярчайшая вспышка цивилизации, чье рождение и падение окутывали мифы. Просуществовала она ровно столетие. Век небывалого величия оборвался в одночасье из-за коварного заговора придворных — печальный финал, заставлявший историков вздыхать и поныне.

Лао Ту снова приложился к фляге и заговорил тише:

— После того как тот странствующий монах почил, силы старого царя стали таять. Вскоре он умер. На престол взошел новый правитель — молодой, самонадеянный и жестокий. Он мечтал о славе завоевателя, как его отец, но совершенно не умел управлять страной. Постепенно государство начало чахнуть. В нем завелся... червь.

Проводник тяжело вздохнул.

— Этот червь когда-то был собратом того монаха, — продолжал он. — Он исходил желчью от зависти к чужим успехам, а потому бросил веру и подался в чиновники. Со временем он возвышался всё больше, пока не втерся в доверие к юному царю.

Лу Цинсюэ слушала, затаив дыхание.

— И что же было дальше?

— А дальше, — раздался холодный, низкий голос, — червь убедил молодого царя уничтожить всё наследие наставника. Его объявили злым демоном, несущим погибель стране. Храмы и пагоды по всему царству начали сносить и предавать огню.

Лу Цинсюэ обернулась на голос. Говорил племянник Лао Ту — молчаливый местный парень по имени Ачамоло.

Ачамоло был красив суровой, южной красотой: черные волосы, карие глаза. Он с детства рос

при монастыре, и Лу Цинсюэ порой казалось, будто от него исходит едва уловимое сияние — аура святости, внушающая невольный трепет.

Юноша оставался бесстрастным. Не поднимая глаз, он продолжил:

— Пагода на берегу Цзило осталась последней. В тот день бушевал страшный ветер. Червь и царь приказали поджечь ее, но пламя лишь слегка обугливало дерево, не желая разгораться. Разгневавшись, они велели полить стены крепким вином. Но огонь лишь скользнул по поверхности, испарив влагу, и погас. Тогда они, обезумев от ярости, приказали доставить из-за моря «черную кровь земли» — нефть.

— Ох! — Лу Цинсюэ вскрикнула, прижав ладонь к губам.

— В этот раз пламя наконец взялось. Но радость царя была недолгой. Огонь начал вытекать из пагоды, словно живая река, и устремился к водам Цзило. Пожар на реке бушевал сто восемь дней, пока не иссушил ее до самого дна. Династия Юэняо жила этой рекой. Вода исчезла — и страна погибла. Цветущие берега превратились в прах, в ту самую пустыню, по которой вы сейчас идете.

— А пагода? Она сгорела? — с сомнением спросила девушка.

Ачамоло посмотрел на нее с холодным укором.

— Весь огонь ушел в реку. А пагода погрузилась глубоко под землю, скрывшись от глаз людей навеки.

— Надо же... — Лу Цинсюэ всё никак не могла опомниться. Она была натурой впечатлительной, остро чувствующей историю, пусть ей и не всегда хватало прилежания в учебе.

Ачамоло замолчал, снова уходя в свой внутренний мир.

— Пойдите... Что это? — Лао Ту внезапно прищурился, глядя куда-то вдаль.

В пустыне опасность всегда подстерегает за ближайшим барханом. Заметив, как изменился опытный проводник, археологи вскочили, принимая защитные стойки. Там, куда указывал Лао Ту, внезапно взметнулся черный смерч. Он ревел, поднимая в воздух тучи песка и камней, но оставался на месте, словно прикованный.

— Это... — Лао Ту в ужасе округлил глаза. — Пресвятые бодхисаттвы, почему внутри смерча человек?!

Все замерли. Ачамоло тоже всматривался в бушующую воронку, а профессор Фу схватился за бинокль.

Глянув в окуляры, он лишился дара речи.

— И впрямь... человек!

— Невероятно... — прошептал Лао Ту. — Как такое возможно? Неужели это живое воплощение Будды?

— Он долго не протянет, — коротко бросил Ачамоло.

Внутри черного вихря метались огромные валуны. Человек в самом сердце бури прыгал по этим камням, уворачиваясь от летящих обломков и песка. Было видно, что он ранен: движения становились всё медленнее, он едва успевал уходить от столкновений, которые могли стать фатальными.

Ачамоло выхватил из вьюков на спине верблюда моток веревки с закрепленным на конце серпом-крюком. Обмотав один конец вокруг пояса, он сказал:

— Я вытащу его.

— Ты с ума сошел?! — закричала Лу Цинсюэ, пытаясь преградить ему путь.

Лао Ту удержал ее за руку:

— Пусть идет. Если ждать, пока ветер утихнет, спасать будет некого.

Археологи смотрели на них как на безумцев, пока Ачамоло не скрылся в ревущей стене песка. Они видели, как из воронки с невероятной силой вылетела веревка с крюком. С глухим лязгом сталь впилась в обломок скалы, лежавший неподалеку, и замерла. Спустя мгновение, перебирая руками по натянутому канату, из смерча выбрался Ачамоло. На спине он тащил окровавленного человека.

***

Этой ночью звезды в пустыне были огромными и ослепительно яркими. Они сплетались в небе в сияющую серебряную реку. Когда Цзян Жуцзин открыл глаза, первое, что он увидел — юношу, окутанного сиянием истинной ауры Будды.

Цзян Жуцзин тряхнул головой и присмотрелся внимательнее. Зрение его не обманывало.

Этот свет был величественным и глубоким, но, как ни странно, он буквально тонул в бескрайнем море крови. Словно этот человек вырезал население нескольких городов или целого государства, чтобы достичь такого могущества.

«Если бы в мире Тяньюань появился такой персонаж, что бы сделали старые монахи из буддийских сект? — подумал Цзян Жуцзин, преодолевая боль, от которой, казалось, стонало даже само движение крови в жилах. — Попытались бы они его уничтожить или пали бы ниц, признав в нем высшее божество?»

<http://bllate.org/book/17530/1703827>